

О.П. Смирнова

«VIRGO TACITA»

Всем известны слова Горация о «virgo tacita», весталке, поднимающейся на Капитолий вместе с верховным понтификом для участия в таинственном и непонятном для нас ритуале (Od. III. 30. 8–9). О характере данного обряда было выдвинуто несколько гипотез. Одна заключается в том, что весталки вместе с верховным понтификом могли находиться в процессии, которая в иды каждого месяца поднималась на Капитолий, чтобы совершить жертвоприношение Юпитеру¹. В качестве источников, освещающих этот ежемесячный ритуал, привлекаются Овидий (Fast. I. 56². 587³), Макробий (Sat. I. 15. 16⁴), Фест⁵. Однако у Горация нет ни слова о какой-либо процессии: на Капитолий поднимается только весталка с верховным понтификом. Кроме того, в указанных источниках нет речи о весталках. Согласно же другой гипотезе, предложенной А. Проинером⁶ и основанной на интерпретации отрывка из сочинения Иоанна Лида «О месяцах» (Lyd. de mens. IV. 36⁷), речь идет об особом жертвоприношении Юпитеру, совершавшемся в начале древнего года – в мартовские иды. Однако еще И. Сантинелли указал на недостаточную обоснованность истолкования А. Проинером терминов, употребленных Лидом⁸. Имеется и третья, более современная гипотеза: по мнению Г. Радке, образ весталки, которую ведет на Капитолий верховный понтифик, находится в контексте сюжетов, связанных с преданием смерти согрешившей жрицы, которую автор рассматривал как «живого мертвеца» и «кандидата на ритуальную смерть ради общины»⁹; речь идет о том, что деву вели на казнь – сбросить с Тарпейской скалы, дабы обеспечить процветание

¹ Это предположение было сделано Р. Клаузенем (*Klausen R.H. Aeneas und die Penaten. Die italischen Volksreligionen unter dem Einfluss der griechischen.* Bd. II. Gamburg – Gotha, 1940. S. 930), признано правдоподобным И. Марквардтом (*Marquardt J. Roemische Staatsverwaltung.* Bd III. Lpz, 1878. S. 330. Anm. 7) и оспорено И. Сантинелли (*Santinelli I. Alcuni questioni attinenti ai riti delle vergini vestali. Vesta aperitur* (Cal. Philoc., al 7 giugno) // *Rivista di filologia e d'istruzione classica.* 1902. XXX).

² *Idibus alba Iovi grandior agna cadit* («В иды закалывают крупную белую овцу в честь Юпитера»).

³ *Idibus in magni castus Iovis aede sacerdos semimaribus flammis viscera libat ovis.* («В иды в храме великого Юпитера священный жрец сжигает в пламени внутренности холощеного барана»).

⁴ *Omnes idus Iovis ferias observandas sanxit antiquitas* («Все иды древность посвятила проведению церемоний в честь Юпитера»).

⁵ Fest. P. 93: *Idulis ovis dicebatur, quae omnibus idibus Iovi mactabatur* («Говорят о баране idulis, потому что каждые иды его приносят в жертву Юпитеру»); p. 372: (*sacra via*)... *eo itinere utuntur sacerdotes idulium sacrorum conficiendogum causa* («этой дорогой пользуются жрецы для совершения жертвоприношения в иды»).

⁶ *Preuner A. Hestia-Vesta.* Tübingen, 1864. S. 311.

⁷ *Ἐλδοῖς Μαρτιάδαις ἑορτὴ Διὸς διὰ τὴν μεσομηναίαν καὶ εὐχαὶ δημόσιαι ὑπὲρ τοῦ ὑγιεινῶν γενέσθαι τὸν ἑμπατόν. ἱεράτευον δὲ καὶ ταῦρον ἐξέτη ὑπὲρ τῶν ἐν τοῖς ὄρεσιν ἀγρῶν, ἡγουμένου τοῦ ἀρχιερέως καὶ τῶν κλητῶρων τῆς Μητροῦχος.* «В мартовские иды – празднество в честь Юпитера, так как это середина месяца, и публичные моления за то, чтобы год был здоровым. Приносили в жертву и быка за (плодородие) горных пастбищ, под предводительством архиерея и канефор Великой Матери».

⁸ *Santinelli.* Op. cit. P. 264–265. А. Проинер интерпретировал канефор Великой матери как весталок.

⁹ *Radke G. Die Götter Altitaliens.* Münster, 1979. S. 334.

Рима¹⁰. В основе этого довольно радикального предположения, связывающего легенду о Тарпее с наказанием весталки, потерявшей целомудрие, и с capitoлийским ритуалом Горация, лежит то, что Тарпее считали весталкой некоторые римские писатели (Var. ll. V. 41; Propert. IV. 4. 16–17), и то, что на могиле Тарпеи ежегодно совершалось жертвоприношение (Dion. Hal. II. 40), а также то, что весталки совершали жертвоприношение на месте погребения совершившей инцест жрицы Весты (Plut. Quaest. Rom. 96). Т. Моммзен (CIL. I, p. 258), а также Й. Марквардт¹¹ считали, что жертвоприношение Тарпее соответствует обозначенному в календаре обряду *virgo Vesta parentat* (Fasti Filocali – CIL. I, p. 258), отправлявшемуся в иды февраля. Однако у Дионисия нет сведений, когда совершается жертвоприношение, а весталки не упоминаются совсем (χοῶς αὐτῇ Ῥωμαῖοι καθ' ἑκάστων ἐνιαυτὸν ἐπιτελοῦσι¹²). Кроме того, умерщвление весталки было событием экстраординарным, а вовсе не регулярным ритуалом, представленным в оде Горация. Таким образом, поскольку все предложенные гипотезы недостаточно доказательны, ритуал остается загадочным.

Из оды Горация ясно лишь то, что регулярное отправление данного обряда означает непрерывность существования Рима и, тем самым, обеспечивает вечную славу для поэта. Выбор ритуала в качестве подобной эмблемы, очевидно, определен тем, что в нем объединены основные религиозные символы Рима: Капитолийский холм, понтифик, скорее всего верховный, стоявший во главе римской религиозной жизни, и весталка (старшая?), культовая деятельность которой и в особенности поддержание вечного огня – символа римской идентичности¹³ – считались римлянами гарантиями существования и благополучия государства. Насыщенная религиозная символика позволяет предположить, что Гораций мог даже объединить здесь несколько обрядов, происходивших на Капитолии, в которых принимали участие весталки и верховный понтифик. Но имел ли Гораций в виду какой-то определенный ритуал или же нет – так или иначе, исключительная важность каждого указанного религиозного символа заставляет внимательно относиться ко всем деталям этих поэтических строк.

Нас более всего интересует определение весталки как *virgo tacita*, которое, не давая, впрочем, никаких указаний на суть ритуала, тем не менее, позволяет уточнить его значение в контексте оды Горация с точки зрения религиозного поведения и статуса римской женщины.

Не так давно один из крупнейших современных специалистов в области римской религиозной истории Джон Шайд продемонстрировал, какое место занимали женщины в римской религии: подчиненные мужчинам и ограниченные маргинальными ролями, они, тем не менее, составляли ее необходимый элемент¹⁴, причем некоторые «женщины» (весталки, Сивилла и ее пророчества) обладали даже парадоксальным статусом, так как выполняли задачи, имевшие важное значение для жизни Рима, поскольку обряды, исполняемые жрицами, и пророчества Сивиллиных книг являлись там своего рода талисманами¹⁵.

При исследовании маргинальности религиозного статуса женщин Дж. Шайд сосредоточил свое основное внимание на их роли в процессе и порядке римского жертвоприношения: женщины, как правило, не имели права совершения жертвоприношения, т.е. умерщвления жертвы, пользования жертвенным ножом, а если это и случалось, то происходило ночью, при закрытых дверях, в загородных святилищах –

¹⁰ Ibid. S. 331 («это означает путь к месту казни на Тарпейской скале...»); *idem*. Die dei penates und Vesta in Rom // ANRW. 1981. 17/1. S. 366. Anm. 196: «Согласно Нор. С. 3, 30, 8 f., верховный понтифик ведет весталку (чтобы сбросить с Тарпейской скалы) на Капитолий».

¹¹ Marquardt. Op. cit. Bd III. S. 298.

¹² «Римляне совершают ей ежегодные возлияния».

¹³ Scheid J. D'indispensables étrangères: Les rôles religieux des femmes à Rome // Histoire des femmes en Occident. V. 1. Antiquité. P., 1991. P. 428.

¹⁴ Ibid. P. 428–429.

¹⁵ Ibid. P. 400–401.

т.е. за пределами померия¹⁶, а совершать жертвоприношение публично, за римский народ, женщины не могли. Как показал О. де Казанов, устранение римских женщин от участия в жертвоприношении нашло свое выражение в традиционном запрете женщинам употреблять чистое (т.е. несмешанное) вино и в их отстранении от разделки мяса и первичной обработки зерна¹⁷.

Исключительность весталок состояла в том, что они в качестве общественных жриц, наряду с супругами фламинов и царя священнодействий, «составляли исключение в римской религиозной жизни, почти целиком состоящей из мужчин»¹⁸. Весталки готовили жертвенную муку (*mola salsa*), используемую при *immolatio* в жертвоприношении (жрицы при этом обжигали и толкли зерно – процессы, из которых были исключены римские женщины), и присутствовали на всех публичных жертвоприношениях; весталки имели право и на жертвенный нож (*secespita*)¹⁹. Эти исключительные права находят свое объяснение в особом тройном статусе весталки: девы, женщины и мужчины одновременно, согласно гипотезе, предложенной М. Бирд²⁰, и ставшей, пожалуй, классической, несмотря на критические замечания самого автора²¹.

В свою очередь мы бы хотели развить данную тему и рассмотреть роль женщины в римской религии на другом примере – на примере речи весталок, точнее, на соотношении слова и молчания в их культовом поведении, отражающем как возможности жриц, так и их место в жреческой иерархии. И нашим отправным пунктом будет определение, данное весталке Горацием в одной из его самых знаменитых од.

Несмотря на всю опасность буквального толкования поэтического произведения, нам кажется достаточно определенным, что молчит именно весталка, не понтифик и что молчание жрицы связано с данным обрядом, потому что вообще *virgines Vestales* совсем не были молчаливыми, по крайней мере в том, что касалось их культовых обязанностей; это доказывает сам Гораций, когда в другой оде (I. 2) говорит следующее (в связи с неблагоприятными событиями, последовавшими за смертью Цезаря): *quem vocet divum populus ruentis / imperi rebus? prece qua fatigent / virgines sanctae minus audientem / carmina Vestam*?²² Напомним, что девочка, принимаемая в весталки, должна быть безупречна в отношении речи и слуха (Aul. Gell. I. 12) – условие, необходимое для наибольшей эффективности молитв²³. Культовые обязанности весталок были разнообразными и не сводились исключительно к поддержанию постоянного огня, они участвовали в различных церемониях, посвященных не только Весте, но и другим божествам, и сопровождавшихся произнесением ритуальных формул; некоторые из них нам известны²⁴. Слово в римском культе являлось одной из наиболее важных ритуальных процедур: молитва, обязательно сопровождающая ритуал (не содержащая, впрочем, никакого метафизического или духовного основания), придавала ему свою законченность и свою действенность²⁵. Право произносить молитву в публичном культе, пожалуй, еще больше, чем право на совершение ритуального действия, выделяло весталок из других римских женщин, поскольку произнесение

¹⁶ Ibid. P. 428.

¹⁷ Casanove O. de. Exesto. L'incapacité sacrificielle des femmes à Rome (à propos de Plutarque Quæst. Rom. 85) // Phoenix. 1987. 41.

¹⁸ Scheid. D'indispensables étrangères... P. 410.

¹⁹ Casanove. Op. cit. P. 170. Not. 57.

²⁰ Beard M. The Sexual Status of Vestal Virgins // JRS. 1980. 70.

²¹ Idem. Re-reading (vestal) virginity // Women in Antiquity. New Assessments / Ed. R. Hawley, B. Levick. L.-N.Y., 1995.

²² «Какого бога должен призывать народ, когда рушится государство? Какими молитвами должны священные девы преследовать Весту, менее внимательную к ритуальным формулам?»

²³ Cagnat R. Les Vestales et leur couvent // Conférences, faites au Musée Guimet (Annales du Musée Guimet. 19). 1906.

²⁴ Macr. Sat. I. 17: *Namque virgines Vestales ita indignant: «Apollo medice, Apollo Paean»* («Ведь девы-весталки произносят такую молитву: "Аполлон-врачеватель, Аполлон Пэан"»).

²⁵ Scheid J. La religion des Romains. P., 1998. P. 85.

молитвы было очень ответственным актом: «В то время как жесты не подчинены контролю и могут быть, в случае ошибки, повторены после искупительного жертвоприношения (*piaculum*), за молитвами внимательно следят и они не могут быть исправлены или повторены. Сразу после произнесения они выполняют свое действие, хорошее или плохое. Именно поэтому те, кто произносил молитву, зачитывали наиболее важные тексты молитв сами или заставляли зачитывать помощника (*praire in verbis* или *verba praeire*)...»²⁶.

Если продолжить рассмотрение традиционных запретов, касавшихся римских женщин и восходивших к законодательству царского периода, нельзя не указать на знаменательный текст Плутарха (*Lycurgus / Numa*, 3): ὁ δὲ Νομάς ταῖς γαῖταις ... καὶ νῆφειν ἐδίδαξε καὶ σιωπᾶν εἶθισεν, οἴνου μὲν ἀπεχομένης τὸ πάντων, λόγῳ δὲ μὴδὲ ὑπὲρ τῶν ἀναγκαίων ἀνδρὸς ἄνευ χρωμένης²⁷. Это ограничение речи, по аналогии с запретом на вино, можно также считать относящимся к культу и религиозной практике (хотя, очевидно, оно равным образом относится и к юридической и гражданской жизни – исключительно мужским сферам деятельности²⁸).

И в то время как женщины произносили молитвы во время своих церемоний, происходивших «на обочине» культовой жизни Рима, весталки молились в процессе публичных церемоний и за римский народ. Возможно также, что и сами жрицы могли осуществлять контроль над произнесением молитв римскими женщинами (например во время церемонии в честь *Vona Dea*). Это право весталок говорить не означало, разумеется, их «свободы слова» вообще. Возможность говорить была четко очерчена культовой сферой и некоторыми юридическими ситуациями. Свободная речь жрицы вне этих рамок воспринималась римлянами с ужасом и считалась указанием на ритуальную нечистоту, т.е. инцест, грозивший жрице смертью. Так, по сообщению Тита Ливия (IV. 44. 2) в 420 г. весталка Постумия была осуждена за наряды и «свободное поведение»²⁹, она подозревалась в инцесте, но после рассмотрения дела была оправдана. Что означало «свободное поведение», ясно из того, что верховный понтифик предписал ей *abstinere iocis colique sancte*³⁰. Другой пример содержится в контроверсиях Сенеки Старшего (VI. 8), обсуждавшего с разных точек зрения – реальный или нет – проступок: сочинение весталкой стихотворения на тему о приятности брака. Весталка подозревается не только потому, что приветствует неестественную для нее форму социальной жизни, но и в не меньшей степени потому, что составила это стихотворение: *non oportet ... scribere carmen*³¹.

Насколько разрушительными римляне считали свободное поведение и речь весталки, ясно хотя бы из того факта, что легендарная Тарпея, которая показала сабинянам вход на Капитолий, проведя предварительные переговоры о цене своего предательства, названа у Варрона весталкой (LL. V. 4). Следовательно, самостоятельное поведение и высказывания весталки, как и любой другой женщины, должны быть ограничены, в противном случае жрица представляет собой опасность и угрозу городу.

Была, пожалуй, только одна область, помимо культа и некоторых юридических случаев, в которой допускалась речь весталок: это их посредничество: нам известен

²⁶ Ibid.

²⁷ «Нума... научил замужних женщин быть трезвыми, хранить молчание, совершенно воздерживаться от вина, и не говорить даже о необходимом в отсутствие своего мужа».

²⁸ Можно привести другое замечание, сделанное Плутархом относительно речи женщин: (*Conjugalia praeserta*, 31) δεῖ δὲ ... μὴδὲ τὸν λόγον δημόσιον εἶναι τῆς σώφρονος... («Следует, чтобы мудрая женщина ... не говорила публично»).

²⁹ *Postumia uirgo Vestalis de incestu causam dixit, crimine innoxia, ab suspicione propter cultum amoeniorem ingeniumque libetius quam uirginem decet parum abhottens* («Весталка Постумия защищала себя от обвинения в инцесте; она была невиновна, но ее слишком утонченные наряды и склонности более свободные, чем подобает весталке, мало способствовали отвращению подозрений»).

³⁰ «Воздерживаться от шуток и одеваться более благочестиво, чем изысканно».

³¹ «Не подобает... писать стихи».

эпизод, когда Мессалина просила заступничества перед верховным понтификом Клавдием у старшей весталки Вибиции (Тас. Ann. XI. 32. 34), а ранее весталки помогли Цезарю вымолить прощение у Суллы (Suet. Caes. 1. 2); разнообразная помощь весталок, в том числе в продвижении по службе, отражена и в надписях императорского времени (CIL. VI¹. 2130–2134). Но, во-первых, речь весталок при этом не свободна (жрица просит не за себя, но передает слова другого лица), а во-вторых, эта функция весталок имеет своим основанием их жреческий статус и ее можно рассматривать как аналог молитв в культовой практике.

Каковы же были правила культовой речи и молчания весталок? Вернемся к Горацию. В псевдо-акроновых комментариях к Оде III. 30 молчание весталки толкуется следующим образом: «Tacita» aut *vesecunda* aut pro sacrificio tacente, consueverunt enim sacrificaturae Capitolium tacentes ascendere. Sive pro sacerdotii dignitate clarae...³² По мнению И. Сантинелли, поэт подчеркивает этим эпитетом торжественность жертвоприношения, и это ясно без всякого пояснения³³. Но в таком случае почему молчащей названа только весталка?

Нам представляется, что в комментариях все же есть зерно истины и дело не столько в торжественности жертвоприношения, сколько в том, что молчание весталки рядом с верховным понтификом отражает жреческую иерархию (жрица *vesecunda* молчит в присутствии «вышестоящего» жреца-мужчины). Возможно, что молчание весталки связано с божеством, для почитания которого жрецы восходят на Капитолий (pro sacrificio), но и этот случай не исключает соответствующей жреческой иерархии. Наверное, следует напомнить, какую роль играл по отношению к весталкам верховный понтифик, который и принимал девочек в весталки, и осуществлял надзор за исполнением весталками своих обязанностей, и наказывал жриц в случае их небрежения. Верховный понтифик первым брал слово при избрании девочки в весталки, определяя ее статус, получаемый посредством *captio*. Власть верховного понтифика над весталкой, которая, вступая в сан, освобождалась от *patria potestas*, но оказывалась под его контролем, стала основной гипотез о том, что весталки изначально были царскими дочерьми³⁴ (в подтверждение этой гипотезы часто помимо прочих доказательств приводили тот аргумент, что власть верховного понтифика над весталками можно приравнять к *patria potestas*, которую *pater familias* имел над своими дочерьми) или женами³⁵, хозяйками дома.

Можно привести еще один пример молчания весталки рядом с верховным понтификом – пример, на который ранее уже указал Дж. Шайд в контексте подчиненного положения женщин в религии³⁶. В протоколах Секулярных игр 204 г., где описана суппликация Юноне³⁷, римские матроны произносят текст под диктовку верховного понтифика Септимия Севера, рядом с которым находятся молчащие весталки Нумизия Максимилла и Теренция Флавола. Тем самым император – верховный понтифик выполнял функции контролера за точностью текста молитвы, и религиозная власть в ее последней инстанции принадлежала ему. Аналогичную сцену мы наблюдаем на бронзовой монете, отчеканенной в память Секулярных игр 88 г.³⁸, где изображены коленопреклоненные матроны перед нефом Юноны-царицы, читающие молитву, императора Домициан – верховный понтифик, стоящий перед ними и диктующий им

³² «Молчащая» – либо от стыдливости, либо вследствие молчаливого жертвоприношения, ведь для совершения жертвоприношения они имеют обыкновение восходить на Капитолий в молчании. Либо блистающие достоинством жреческого сана...

³³ Santinelli. Op. cit. P. 263.

³⁴ Mommsen Th. Roemisches Staatsrecht. Bd. II. 1. Lpz, 1877. S. 53; Marquardt. Op. cit. Bd III. Lpz, 1878. S. 220.

³⁵ Wissowa G. Religion und Kultus der Roemer. München, 1971 (= 1912). S. 158; Dragendorf A. Die Amtstracht der Vestalinnen // Rh. M. 1896. 51.

³⁶ Scheid. D'indispensables étrangères... P. 422–424.

³⁷ Pighi J.B. De ludis saecularibus populi Romani Quiritium. Amsterdam, 1965. P. 155 ff.

³⁸ Mattingly H. Coins of the Roman empire in the British Museum. III. L., 1966. No. 424.

формулу, и весталки рядом с ним, очевидно молчашие³⁹. Молчание весталок двойственно: с одной стороны, они молчат, находясь рядом с верховным понтификом, с другой – они не повторяют вслед за ним ритуальную формулу, чем подчеркивается их инаковость и более высокая позиция по отношению к остальным женщинам. Этому соответствует и ведущая роль весталок во время праздника *Vona Dea*, в котором участвуют одни женщины. Речь является отражением властных полномочий, которыми те или иные лица обладали в культе, и весталки в этой иерархии занимали промежуточное положение между верховным понтификом и женщинами.

В процессе своей культовой деятельности весталки оказывались рядом и с другими жрецами-мужчинами, входившими в коллегия понтификов и состоящими под непосредственным контролем верховного понтифика: фламинами и царем священнодействий. Например, известно, что весталки вместе с фламинем Квирина 21 августа совершали жертвоприношение Консу на подземном алтаре у подножия Палатина (*Tert. de spect. 5: Sacrificant apud eam [aram] nonis Iuliis sacerdotes publici, XII Kalend. Septembres flamen Quirinalis et virgines*⁴⁰). К сожалению, мы не знаем, какую роль они играли при фламинем Квирина, возможно, они ассистировали ему; Дж. Шайд предполагает, что роль жриц была пассивной⁴¹. Пруденций (*Contra Symm. II. 1107–1108*) описывает тот же ритуал (не называя праздника): *...subter humum lustrales testibus umbris / In flammam iugulant pecudes et murmura miscent*⁴². Но неясно, как следует понимать это «бормотание» – просто как уничижительное определение воинствующе настроенного христианина (Дж. Шайд оспорил эти слова Пруденция в том, что касается возможности весталок совершать жертвоприношение⁴³) или как отражение культового процесса. Если верно последнее, то, может быть, в этом случае весталки произносили молитвы под диктовку фламина или же присутствие фламина было необходимым для контроля за точностью произносимой формулы и тем самым невнятность речи должна была указать на подчиненное положение жриц.

В определенный день (*certa die* – *Serv. Aen. X. 228*) весталки приходили к *rex sacrorum*, жрецу Януса и адресовали ему столь же знаменитую, сколько и непонятную ритуальную формулу: *vigilans, rex? vigila!*⁴⁴ Здесь как будто именно весталки осуществляют в рамках ритуала некие контролирующие функции по отношению к жрецу-мужчине. С другой стороны, именно весталки приходят к царю священнодействий, а не наоборот: *ibant ad regem sacrorum et dicebant...*⁴⁵ Этот факт можно сопоставить и с обязанностью клиентов приветствовать своего патрона, и, что более существенно, с юридической практикой, согласно которой всякий раз, когда весталкам требовалось свидетельствовать, их выслушивали на Форуме или в суде, как сообщает Тацит (*Ann. 2. 34*), этим примером подчеркивая высокомерие и могущество влиятельной подруги Ливии – Ургулании. Она, будучи свидетельницей в каком-то деле, разбиравшемся в сенате, не пожелала туда явиться, и к ней пришлось послать претора, допросившего ее на дому: *missus est praetor, qui domi interrogaret, cum virgines Vestales in foro et iudicio audiri, quotiens testimonium dicerent, vetus mos fuerit*⁴⁶. Предложение *cum... fuerit* можно понимать и в том смысле, что даже весталки являлись в суд, когда это требовалось, а вовсе не как указание на принадлежность Ургулании к весталкам, но нам в данном случае важно не то, была ли Ургулания

³⁹ *Scheid. D'indispensables étrangères... P. 423.*

⁴⁰ «У этого [алтаря] совершают жертвоприношение общественные жрецы, в 12 день до сентябрьских календ фламен Квирина и весталки».

⁴¹ *Ibid. P. 412.*

⁴² «Под землей они закалывают очистительные жертвы, льют их кровь в огонь и сопровождают это бормотаньем».

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ «Бдишь ли царь? Бди!».

⁴⁵ «Приходили к царю священнодействий и говорили...».

⁴⁶ «Был отправлен претор, который допросил ее дома, хотя, согласно древнему обычаю, дев весталок выслушивали на форуме и в суде, когда они выступали в качестве свидетельниц».

весталкой или нет, а то, что весталка должна была являться в более высокую «инстанцию».

Что же касается «текста», на первый взгляд довольно императивного и давшего повод к сопоставлению весталок и Весты с иранской богиней, наделявшей царя властью⁴⁷, то нам кажется, нужно учитывать следующее: во-первых, с похожей формулой к богам обращался верховный понтифик (*Serv. Aen. II. 148*): *item «vigilante, deum gens» verba sunt, quibus pontifex maximus utitur in pulvinaribus...*⁴⁸ Поэтому нет уверенности, что весталки представляют здесь самих себя: возможно, этот ритуал являл властные полномочия понтифика. То, что весталки, в отличие от формулы понтифика, добавляют призыв *vigila!* также не удивительно: «Молитвы часто формулируются в повелительном наклонении и их следует понимать как официальные предписания, сделанные на грубом языке римских магистратов»⁴⁹. Во-вторых, можно говорить об определенной параллельности царя священнодействий и весталок, выраженной наиболее явно в параллельности божеств, почитавшихся этими жрецами: Янус с Вестой призывались во всяком жертвоприношении (*Cic. De deor. nat. II. 67*), на первом месте – Янус, а на последнем – Веста⁵⁰. В том, что Янус был в начале, а Веста в конце, видна не иерархия, а скорее симметрия, которая проявляется в том, что постоянно бодрствовавшие у вечного очага жрицы призывали к бдительности *geh sacrofum*. В связи с этим интересной представляется гипотеза, согласно которой весталка считалась римлянами хранительницей закрытых дверей, и смысл оппозиции Янус-Веста заключался именно в противопоставлении открытости и закрытости⁵¹. Заметим также, что царю священнодействий было запрещено говорить публично (*Plut. R.Q. 63*), т.е. он, подобно римским женщинам, был отстранен от участия в общественной жизни.

Говоря о сходстве статуса весталок и других жрецов, находившихся под контролем верховного понтифика, нельзя не вспомнить о фламинне Диале, который, как и весталка, был подконтролен (*captus*) верховному понтифику и с которым весталка разделяла определенные юридические привилегии. Как известно, если весталки по пути случайных встречали осужденного на казнь, приговор в исполнение не приводился, весталке только следовало поклясться, что встреча была неумышленной⁵² (*Plut. Numa. X*). Неясно, кому именно весталка приносила клятву, происходило ли это в суде или перед верховным понтификом, или как-либо иначе, но эта клятва тем более знаменательна, что весталка вместе с фламинном Диалом была освобождена от принесения клятвы, если выступала свидетельницей на суде (*Aul. Gell. X. 15*), т.е. вне культа. Нам кажется, что необходимость весталки клясться в религиозно-правовой ситуации, в то время как фламин Диал в аналогичном случае не обязан был это делать⁵³, также отражает различие, проводимое в культе между женщинами

⁴⁷ Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1985. С. 70, со ссылкой на: Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. Пг., 1918; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сарматских племен. М., 1977.

⁴⁸ «Слова "бдишь ли, род богов" произносит также верховный понтифик во время лектистерний».

⁴⁹ Scheid. *La religion...* P. 85.

⁵⁰ Ж. Дюмезиль расшифровывал *ordo sacerdotium*, приведенный у Феста: *geh sacrofum* – три главных фламина (*Dialis, Martialis, Quirinalis*) – *pontifex maximus*, находя в этой последовательности скрытую формулу перечисления богов при разного рода молениях: Янус – Юпитер – Марс – Квири – Веста (*Dumézil G. Tarpeia. P., 1947. P. 100–102*).

⁵¹ Pailler J.-M. *L'honneur perdu de la vestale et la garde de Rome // L'Afrique, la Gaule, la Religion à l'époque romaine. Mélanges à la mémoire de Marcel Le Glay. Bruxelles, 1994. P. 534.*

⁵² *καὶ ἀπομένῃ τῆς πρὸς θάνατον αὐτομάτως συντυχίῳ, οὐκ ἀναρείται. δεῖ δ'ἀπομόσαι τὴν παρθένον ἀκούσιον καὶ τυχαίαν καὶ οὐκ ἐξέπιττες γεγόνει τὴν ἀπάντησιν.*

(«И если они случайно встречают человека, ведомого на смерть, его не казнят. Деве только следует поклясться, что встреча была неумышленной и случайной, и что она не устроила это нарочно»).

⁵³ См. описание подобного процесса у *Serv. Aen. II. 57*: *antiquis itaque caerimoniis cautum erat, ne vincus flaminiam introiret, si introisset, solveretur vinclaque per impluvium effunderentur inque viam publicam eicerentur* («Древние обряды предусматривали, что закованный в цепи человек не должен входить в дом фламина;

и мужчинами, и контроль над жрицей-женщиной. Характерно и то, что во время Весталий некоторые ритуальные ограничения налагались на фламинку⁵⁴, т.е. на женскую ипостась священной пары фламин-фламиника, а не на ее супруга. Таким образом, весталки находились в «речевой» иерархии не только по отношению к верховному понтифику, но и по отношению (по крайней мере) к некоторым другим жрецам-мужчинам, входившим в его подчинение.

Сравнивая весталку с другими римскими жрецами, следует сказать и о том, что жрецы-мужчины (авгуры, понтифики, квиндецемвиры) обязаны были в определенных случаях предоставлять римскому сенату и магистратам культовую информацию. Весталки же никакой культовой информации не давали, напротив, они должны были хранить в тайне сведения о вверенных им святынях – *fatale pignus imperii Romani* («залог судьбы римского владычества» – Liv. XXVI. 27). Можно сказать, что культ Весты был в каком-то смысле окружен молчанием: об этом свидетельствуют и отсутствие до достаточно позднего времени изображения Весты, и ограничения на посещение храма Весты и Атрия весталок⁵⁵, и невозможность видеть святыни храма⁵⁶ (причем Дионисий говорит, что о характере этих святынь нечестиво даже допытываться – II. 66).

Жрецы-мужчины вели записи и могли высказываться и в такой «эпиграфической» форме, как протоколы жреческих коллегий. С весталками дело обстояло иначе. Имена весталок эпохи республики дошли до нас, возможно, посредством анналов понтификов, но не благодаря документам, исходившим от жриц. Раскопки в храме Весты и Атрии весталок, по замечанию Р. Ланчани, доказали отсутствие записей и анналов, которые могли бы вести сами весталки⁵⁷. Впрочем, нам известны два примера их «эпиграфических» высказываний – это надписи на базах статуй, поставленных весталками, однако оба примера относятся к довольно поздней эпохе (период империи). И что касается первого случая, то он имел место в рамках коллегии весталок, и был, так сказать, ее внутренним делом: весталка *Octavia Honorata* (CIL. VI. 2138) поставила во второй половине III в. н.э. статую в честь другой весталки Целии Клавдианы (*eius admonitionibus semper provecta*⁵⁸). Во втором же случае намерение весталок поставить статую с посвятительной надписью префекту Рима Веттию Агорию Претекстату вызвало разногласия среди понтификов (Symm. II. XXXVI); Симмах был против, несмотря на одобрение большинства, и обосновывал свое мнение тем, что незаконно делать то, что не было предоставлено ни Нуме – творцу религии, ни Метеллу – ее охранителю, ни всем верховным понтификам. Особенно важно в оценке данного проекта Симмахом то, что *neque honestati virginum talia in viros obsequia convenire...*⁵⁹ Впрочем, статую все же поставила старшая весталка Целия Конкордия (за что ей в свою очередь поставила статую жена Претекстата – CIL. VI. 2145), но, видимо, от своего имени (а не от имени весталок).

В качестве публичной жрицы весталка находилась в культовых взаимоотношениях, помимо других жрецов, с еще одним «мужским» партнером – собственно римским народом, который также являлся субъектом осуществления властных полномочий

но если он вошел, то следует освободить его, вынести оковы через имплевий и выбросить их прочь на улицу»).

⁵⁴ Овидий сообщает, что во время Весталий, когда открывался и чистился храм Весты, фламинике запрещалось касаться мужа (Fast. VI. 223–234).

⁵⁵ Мужчинам было запрещено входить в храм Весты (Lact. Inst. III. 20. 4) и оставаться в Атрии ночью (Dion. Hal. II. 67).

⁵⁶ Дионисий Галикарнасский (II. 66) и Плутарх (Numa. IX) сообщают, что в храме Весты, кроме огня, находятся некоторые скрытые от всех святыни, известные лишь девам-весталкам и понтификам. Но и понтифики не имели права видеть святыни: вспомним легенду о том, как верховный понтифик Луций Цецилий Метелл в 241 г. до н.э. вынес *sacra* из горящего храма Весты и ослеп после этого (Dion. Hal. II. 66).

⁵⁷ Lanciani R. The Ruins and Excavations of Ancient Rome. Boston – New York, 1897. P. 228.

⁵⁸ «Всегда поощряемая ее наставлениями».

⁵⁹ «Не подобает чести дев оказывать подобные услуги мужчинам».

над весталкой. По отношению к нему весталки (как и Сивиллины книги) исполняли те же функции, что и фламиника по отношению к своему супругу, т.е. они делали своего мужского партнера «полным, совершенным»⁶⁰.

«Дополнение» весталками *populus* выразилось в том, что они несли свое служение ради римского народа квиритов, и этот факт отражен во многих культовых формулах, и прежде всего в формуле принятия девочки в весталки, произносимой верховным понтификом: «*Sacerdotem Vestalem, quae sacra faciat, quae ius siet sacerdotem Vestalem facere pro populo Romano Quiritibus, uti quae optima lege fuit, ita te, Amata, capio*»⁶¹ (Aul. Gell. I. 12). Храм Весты считался *focus publicus* («общественным очагом» – Cic. de leg. 2. 8. 20). На некоторых монетных легендах императорского времени с изображениями Весты богиня именуется *Vesta populi Romani quiritium* («Веста римского народа квиритов»)⁶², и так же назывались пенаты, находившиеся в ее храме (Tac. Ann. 15. 41: *delubrum Vestae cum penatibus populi Romani* («храм Весты с Пенатами римского народа»); *Feriale Cumanum. CIL. I². 229: diis penatibus populi Romani Quiritium*. Во время церемоний в честь *Vona Dea* весталки совершали жертвоприношения *pro populo* («за народ» – Cic. Ad Att. I. 13. 3; 12. 3), в дни Весталий весталки раздавали народу приготовленную ими *mola salsa*, а 21 апреля, в день Парилий – очистительные средства (Ovid. Fast. IV. 731–734). Эти культовые мероприятия резко выделяли весталок среди остальных римских женщин, хотя и осуществлялись в рамках празднеств, посвященных божествам женского пола. Весталки могли молиться и за отдельных граждан, и эти молитвы считались весьма действенными: Плиний Старший ообщает, что римляне и он сам верят, что весталки своими молитвами могут возвращать беглых рабов, еще не вышедших за пределы города Рима (NH. XXVIII. 3).

В свою очередь народ предоставлял весталкам в качестве особых привилегий права, которыми обладали мужчины, в частности права высказываться в некоторых юридических ситуациях. Так, весталки могли давать свидетельские показания на суде. Следует отметить, что согласно легенде, переданной Плутархом и Авлом Геллием, это право было оформлено после того, как весталка Тарквиния (Plut. Poplicola. VIII), или Гайя Тарация (она же Фуфетия – Aul. Gell. VII. 7), отдала народу свой участок на Марсовом поле, т.е. после оказания весталкой народу существенного материального благодеяния; кроме того, подчеркивалось, что это право весталка получила единственной из всех женщин. Данная оговорка была типичной в случаях, когда женщины (пусть даже обожествленные) получали привилегии от народа – вспомним историю с Геркулесом и Ларенцией (Plut. R.Q. 35). Другой юридической привилегией, связанной с речью жрицы, было право весталки на составление завещания. В комментариях Лабеоны к Законам XII таблиц (Aul. Gell. I. 12) сказано, что весталка не является наследницей кому-либо без завещания (*intestata*) и ей без завещания никто не наследует, но имущество ее поступает в казну – *ad publicum* (т.е. и в этом случае молчание весталки истолковывается на пользу государству). Эти привилегии весталок подчеркивали их мужской статус и являлись аналогами их права произносить молитвы в публичном культе.

С другой стороны, народ внимательно следил за публичной культовой деятельностью весталок, и когда весталка вела себя (в частности высказывалась) самостоятельно, ее действия строго пресекались. Так, согласно Цицерону (*De domo*. 136), в 123 г. до н.э. весталка Лициния освятила часовню *Vona Dea* (*aram et aediculam et pulvinar sub Saxo dedicasset*)⁶³, однако в коллегию понтификов был внесен запрос со стороны сената (*eam rem ex auctoritate senatus ad hoc conlegium Sex. Iulius praetor*

⁶⁰ Scheid. D'indispensables étrangers... P. 432.

⁶¹ «Я беру тебя, Амата, в жрицы-весталки для совершения священнодействий, которые закон предписывает совершать весталке на благо Римского народа квиритов, поскольку ты избрана в соответствии с наилучшим законом».

⁶² Mattingly H., Sydenham E. The Roman imperial coinage. L., 1923. Civil wars, IV, 4, 6, 9, 11; Vitellius. Gaul. A.D. 69. № 7.

⁶³ «Произвела посвящение алтаря, часовни и пильвинара под Скалой».

teutuli⁶⁴), и понтифики не признали это освящение разрешенным народом (P. Scaevola pontifex maximus pro conlegio respondit, Qvod in loco pвblico Licinia, Gaii filia, inivssv popvli dedicasset, sacrvn non viderier⁶⁵). Овидий называет другое имя весталки, основавшей храм Доброй Богини «под скалою», – Клавдия (Fast. V. 150. 156⁶⁶). Г. Виссова предполагал, что сведения Овидия являются искажением Цицероновых⁶⁷. Но в данном случае имеет значение не имя весталки, а тот факт, что весталке в вопросах, касающихся публичного культа, нельзя было «высказываться» самостоятельно, без санкции «народа». Высказывалась же весталка при процедуре *dedicatio* не только символически, но и буквально; мы позволим себе еще раз процитировать Дж. Шайда: «Посвящавший брался за стойку двери [освящавшегося здания] (или касался алтаря, если освящался алтарь) и произносил под диктовку понтифика формулу посвящения (*lex dedicationis*), которая переводила это строение и пространство из общественной собственности в собственность божества»⁶⁸. Весталка нарушила «иерархию», проведя *dedicatio* без понтифика, который не только выражал власть мужчин в религиозной сфере, но и представлял власть и санкцию народа. Тот факт, что понтифики регулировали отношения между народом и весталками, находит свое объяснение в правиле, согласно которому женщин не судили публично, но передавали для суда их родственникам, чтобы не пострадала патриархальная власть мужчин в семье, как это было, например, в случае с Вакханалиями⁶⁹. Понтифик же осуществлял над весталками власть, сопоставимую с властью *pater familias*, поэтому было естественно, что весталка, будучи все-таки женщиной, не подвергалась публичному суду, но ее дело передавалось коллегии понтификов.

Если весталка совершала инцест, т.е. теряла целомудрие, которое было основным требованием, предъявлявшимся к жрицам, она представала перед судом понтификов⁷⁰ и, видимо, должна была оправдываться, т.е. говорить в свою защиту; понтификам принадлежало право вынесения окончательного решения. В отличие от более легких культовых проступков, подлежавших наказанию со стороны верховного понтифика, характер наказания весталки и ее любовника был зафиксирован законодательным образом: *Probrum virginis Vestalis ut capite puniretur, vir, qui eam incestavisset, verberibus necaretur: lex fixa in atrio Libertatis cum multi(s) alis legibus incendio consumpta est, ut ait M. Cato in ea oratione, quae de auguribus inscribitur*⁷¹ (Festus, p. 241). Следствием этого факта являлась исключительная возможность публичного суда над женщиной: когда народ не был доволен исходом судебного разбирательства, осуществленного понтификами, он мог вмешаться в их «разговор» с весталками. Примером служит судьба весталок Эмилии, Лицинии и Марции, обвиненных в инцесте в 114 г.: понтифики признали виновной Эмилию и оправдали остальных; плебейский трибун Секст

⁶⁴ «Претор Секст Юлий по решению сената передал этот вопрос на рассмотрение этой коллегии (понтификов)».

⁶⁵ «Верховный понтифик П. Сцевола ответил от имени коллегии: «То, что Лициния, дочь Гая посвятила в общественном месте без разрешения народа, не считается ими священным».

⁶⁶ *Dedicat haec veteris Clausorum nominis heres, / virgineo nullum corpore passa virum* («Ее посвятила наследница древнего имени Клавдиев, / чье девственное тело не познало ни одного мужа»).

⁶⁷ *Wissowa*. Op. cit. S. 217. Anm. 11.

⁶⁸ *Scheid*. La religion... P. 58–59.

⁶⁹ *Idem*. D'indispensables étrangères... P. 426.

⁷⁰ *Minucia Uestalis, suspecta primo propter mundiorem iusto cultum, insimulata deinde apud pontifices ab indice seruo, cum decreto eorum iussa esset sacris abstinere familiamque in potestate habere, facto iudicio uiua sub terram ad portam Collinam dextra uiam stratam defossa Scelerato campo* (Liv. VIII. 15) – «Весталке Минуции, вначале заподозренной вследствие своей избыточной роскоши, а затем обвиненной перед понтификами доносчиком-рабом, было приказано по их декрету не участвовать в отправлении культа и сохранять под своей властью рабов; после суда ее зарыли заживо возле Коллинских ворот, справа от замощенной дороги, на *sampus Sceleratus*».

⁷¹ «Прегрешение девы-весталки пусть будет наказано смертью, муж, который ее осквернил, пусть будет засечен насмерть розгами: закон, вывешенный в атрии Свободы, вместе со многими другими законами уничтожен огнем, как говорит М. Катон в речи, которая озаглавлена "Об авгурах"».

Педуцей, недовольный исходом процесса, организовал плебисцит и назначил в 113 г. провести расследование Л. Кассия Лонгина Равиллу, который и приговорил к казни Лицинию и Марцию⁷².

Но этот случай публичного суда над весталками действительно исключителен. Как правило, их наказание все же находилось в компетенции понтификов. И во время церемонии зарывания заживо осужденной весталки именно понтифик осуществлял погребальный ритуал, подобно тому как это делали мужчины во время похорон членов семьи. Плутарх достаточно подробно описывает этот ритуал: у Коллинских ворот в склоне холма устраивают небольшое подземное помещение с входом сверху, в которое ставят ложе с постелью, горящий светильник и запас продуктов – хлеб, воду, молоко, масло. Весталку, усадив на носилки и тщательно закрыв, так, *чтобы даже голос ее было невозможно услышать*, несут через Форум в полном молчании (αὐτὴν δὲ τὴν κολαζομένην εἰς φορεῖον ἐνθήμενοι καὶ καταστευάσαντες ἔξωθεν καὶ καταλαβόντες ἰμάσιν, ὡς μηδὲ φωνὴν ἐξάκουστον γενέσθαι, κομίζουσι δι' ἀγορᾶς. ἐξίστανται δὲ πάντες σιωπῇ καὶ παραπέμπουσι ἄφθογοι μετὰ τινος δεινῆς κатηφείας...). На месте погребения глава жрецов *тайно произносит какие-то молитвы* (ὁ δὲ τῶν ἱερέων ἔξαρχος εὐχὰς τινὰς ἀπορρήτους ποιησάμενος...) простирает руки к богам, выводит осужденную и ставит перед входом в подземелье. Когда та сходит вниз, поднимается лестница и вход засыпают (Numa. X). Смысл самого этого ритуала остается неясным. Было высказано предположение, что эта церемония носит характер брачного обряда, поскольку якобы изначально весталки были служительницами и «невестами» мужского божества, замененного впоследствии богиней Вестой⁷³. Однако эта гипотеза не объясняет молчания. Возможно, всеобщее молчание в данном случае необходимо для того, чтобы не обострить крайне «продигиозную» ситуацию, угрожающую городу, и оно, таким образом, носит апотропический характер.

Интересно, что здесь наблюдается тройная ограниченность речи: «настоящее» молчание римлян, квазимолчание жрицы (собственно, Плутарх не утверждает, что она не могла говорить, но лишь – что ее нельзя было слышать) и неразборчивость слов верховного понтифика, который в этом случае как бы защищает народ от весталки, принужденной к «иерархическому» молчанию. Это принуждение необходимо, поскольку жрица уже проявила преступное своеволие и от нее можно ожидать и других проявлений непослушания, в особенности речи.

Таким образом, в отличие от прочих женщин весталка имела право «говорить» в публичной культовой сфере и, как следствие, – в социальной и юридической жизни Рима, но была подчинена строгой речевой иерархии: жрица – верховный понтифик – народ, причем понтифик по отношению к народу и весталке выполнял роль мужского представителя жреческой «семьи». И мы наблюдаем разделение культовых ролей жрицы. Весталка в культовой практике должна была говорить за римский народ и имела право говорить в юридической и социальной практике наравне с народом. Но весталка, находящаяся рядом с верховным понтификом, предстает перед нами пассивной и молчаливой, подобно тому как понтифики исполняли подобную пассивную роль рядом с магистратами – представителями римского народа. Данная культовая ситуация описана Дж. Шайдом: «В религиозных службах, проводимых жрецами, верховные полномочия часто осуществлялись двумя лицами, из которых одно было активным и было связано со временем (давало свое имя году, избиралось, созывало коллегии, действовало, издавало указы и т.п. от имени своих

⁷² Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. V. I. 509 B.C. – 100 B.C. N.Y., 1951, там же приведены источники: Ascon 45–46c; Cic. N.D. 3, 74; Brut. 160. Liv. Per. 63; Val. Max. 3.7.9; 6.8.1; Plut. R. Q., 83; Dio 26, fr. 87; Obsequ. 37; Porphy. In Hor. Sat. I. 6. 30; Oros. 5.15.22; Macrob. Sat. 1.10.5; Zon. 7.8. В память этого суда Квинт Кассий, потомок Кассия Лонгина, в I в. до н.э. изобразил на монетах храм Весты: курульное кресло и голову Весты (Sydenham M. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. 917–918).

⁷³ Hampl F. Zum Ritus des Lebendigbegrabens von Vestalinnen // Festschrift R. Muth. Innsbruck, 1983. S. 166–168.

коллеги), в то время как другое оставалось пассивным (оно диктовало формулу, произносимую первым, помогало в отправлении обряда, было «взятым», «схваченным», а не избранным). Так, связанными с верховным понтификом обнаруживают фламину и весталок, рядом с *magistri* арвальских братьев – фламину, *pater patratus* в сопровождении *verbenarius*. И в этих обрядах, совершаемых магистратами, именно понтифик или авгур исполнял «пассивную» функцию⁷⁴.

Пассивная сторона была не только подчинена активной, она была качественно отлична от нее, что, в частности, отражено в отсутствии ее связи со временем. Она не обладала полномочиями первой стороны, но, тем не менее, ее пассивность выполняла определенные функции. И при анализе «содержания» молчания весталки, следует принимать во внимание ее особый статус, связанный со способом, которым римляне представляли своих богов, и заключающемся в том, что жрец того или иного бога являлся в некотором роде его воплощением. Это относится в полной мере к Весте и весталкам: когда при Августе было впервые создано изображение Весты (*signum*), для отправления ее культа в палатинском дворце императора, то образцом послужила фигура весталки, и на известных рельефах⁷⁵, представляющих Весту в окружении своих жриц, она внешне ничем не отличается от них⁷⁶. Если продолжить сравнение весталки – живого образа Весты – с богиней, которой она служила, с точки зрения речи, то мы обнаружим примечательное явление: когда от Весты исходила какая-либо информация, богиня оставалась «в тени». Так, Цицерон говорит, что в Риме существовала посвященная Весте роща, которая спускалась от подножия Палатинского холма к *Via Nova*, и откуда незадолго до того, как галлы захватили Рим, был услышан голос, предупреждавший об опасности, – *Aius Loquens* (*De nat. deor.* I. 101). У Валерия Максима и Зосима мы находим предание, объясняющее происхождение Секулярных Игр: во время эпидемии, опустошавшей город, у сабинянина Валезия, предка римского рода Валериев, заболели дети; Валезий помолился, согласно Валерию Максиму (*Val. Max.* II. 4. 5), ларам, но у очага, согласно Зосиму (*Zos.* II. 1) – Весте, и услышал *голос*, который дал указания относительно того, как исцелить детей, – согласно Зосиму, голос исходил из священной рощи, у Валерия Максима источник не назван. Таким образом, Веста не произносит предсказания, которые осуществляются в первом случае божеством мужского «пола», а во втором случае – анонимно. Можно провести параллель с образом молчащей весталки: молчаливую богиню воплощает молчаливая жрица. По аналогичной причине на фламину Диала были наложены ограничения относительно речи: он не мог приносить клятву, так как его бог был господином клятвы и права⁷⁷.

Веста не была госпожой клятвы, но нельзя ли назвать ее госпожой молчания? Сервий сообщает об обряде молчания, связанном с пищей и очагом (*Serv. Aen.* I. 730): *apud Romanos etiam cena edita sublatisque mensis primis silentium fieri solebat, quoad ea quae de cena libata fuerant ad focum ferrentur et in ignem darentur, ac puer deos propitios nuntiasset, ut diis honor haberetur tacendo; quae res cum intercessit inter cenandum, Graeci quoque θεων παρουσίαν dicunt*⁷⁸. Следовательно, Веста, воплощая огонь очага, доставлявшего бо-

⁷⁴ Scheid. *La religion des romains...* P. 118.

⁷⁵ Greifenhagen A. *Das Vestarelief aus Wilton House* // 121/122 *Winkelmansprogramm*. B., 1967; *Magi F. Irlievi flavii della Cancelleria*. Citta del Vaticano, 1945; *Thompson J.E.* *The Vestal Virgin in Roman Art and Politics. The Case of the Cancelleria Reliefs* // *AJA*. 1998. 102. 2; *Scott Ryberg I.* *Rites of the State religion in Roman Art* // *American Academy in Rome. Memoirs*. 1955. XXII; *Torelli M.* *Typology and Structure of Roman Historical Reliefs*. Ann Arbor, 1982; *Strong D.E.* *Greek and Roman Gold and Silver Plates*. L., 1966.

⁷⁶ Scheid J. *Le flamme de Jupiter, la vestale et le général triomphant. Variations romaines sur le thème de la représentation des dieux* // *Le temps de la réflexion*. 1986. 7. P. 226.

⁷⁷ *Ibid.* P. 218.

⁷⁸ «У римлян был обычай, когда накрывали на стол и подавали первую перемену блюд, хранить молчание, пока часть, взятая от обеда, не возлагалась на очаг и не предавалась огню, и пока мальчик не объявлял, что боги благосклонны, и это для того, чтобы воздать почести богам в молчании; когда подобное происходит во время обеда, греки также говорят о *присутствии богов*».

гам пищу, для того, чтобы быть наилучшим «средством связи», должна была минимализировать свою индивидуальность. Даже в том, что касается предсказаний, Веста является скорее посредником между богами и людьми.

Таким образом, молчащая жрица не только наилучшим образом представляет свою богиню, но и дает знать, что между богами и людьми существует постоянная связь. Этот статус весталки давал ей возможность даже вмешиваться в решения народа и препятствовать им. Известна история о весталке из рода Клавдиев, защитившей своего отца, справлявшего в 147 г. до н.э. триумф «без воли народа». Она взошла к нему на колесницу и сопровождала его до самого Капитолия, чтобы никто из трибунов не смог вмешаться и наложить запрет (Cic. Pro M. Coel. 14; Val. Max. V. 4. 6; у Светония (Tiber. I. 4) весталка защищает отца). Весталка, молчащая рядом с триумфатором, не только делает его неуязвимым благодаря тому, что представляет Весту и божественное покровительство, но и демонстрирует свое традиционно иерархически подчиненное положение рядом с лицом, облеченным властью, тем самым эту власть подтверждая.

Другой аспект статуса весталки и ее особенной близости к Весте заключается в том, что, согласно римским легендам, весталка, обвиненная в совершении инцеста, могла посредством апелляции к Весте исправить положение в свою пользу и тем самым нарушить «нормальную» иерархию: весталка – верховный понтифик. Устойчивость этого представления подтверждается несколькими примерами. Весталкой названа у некоторых писателей (Herodian. I. 11) Клавдия Квинта, заподозренная – вследствие своего вольного поведения – в потере целомудрия, но оправдавшаяся тем, что, когда в Рим привезли статую Великой Матери богов в 204 г. до н.э. и когда корабль сел в Тибре на мель, она, помолившись Идейской матери при всех, чтобы корабль сдвинулся, если она действительно чиста, повела его за собой (Liv. XXIX. 14; Ovid. Fast. IV. 305–327: *supplicis, alma, tuae, genetrix fecunda deorum, / accipe sub certa condicione preces...*⁷⁹; Suet. Tiber. 2. 3: *precata propalam, ut ita demum se sequeretur, si sibi pudicitia constaret*⁸⁰). Дионисий Галикарнасский (II. 68) сообщает, что в 178 г. до н.э. весталка Эмилия поручила хранение огня ученице, и огонь по недосмотру погас. Чтобы опровергнуть возникшие сомнения в ее чистоте, Эмилия обратившись к Весте с мольбой о помощи, бросила свою повязку на угасший очаг и огонь загорелся снова, подтверждая невинность весталки⁸¹. Об аналогичной процедуре рассказывает Плиний Старший: весталка Тукция доказала свою невинность тем, что принесла в решете воду (Plin. NH. 28. 12. 23: *extat Tucciae Vestalis incest(i) de precatio, qua usa aquam in cribro tulit anno urbis DXVIII*⁸²; нам в данном случае неважно, следует ли здесь читать *precatio* или *deprecatio*⁸³). У Плиния Младшего (Письма. IV. 11) весталка Корнелия, которой предстояло по решению Домициана, быть погребенной заживо по обвинению в совершении инцеста, заявляет императору, сходя в подземелье, что ее чистоту доказывает тот факт, что ее культовая деятельность принесла тому победу (*Illa nunc ad Vestam, nunc ad ceteros deos manus tendens, multa sed hoc frequentissime clamitabat: 'Me Caesar incestam putat, qua sacra faciente uicit triumphauit!*'⁸⁴). Примечательно то, что весталка *multa... clamitabat* в ситуации, когда она должна была по традиции молчать;

⁷⁹ «Добрая Богиня, плодovitая Мать богов, внемли просьбам твоей молительницы при одном условии...»

⁸⁰ «Моля публично, чтобы (Мать богов) следовала за ней в том случае, если добродетель ее (Клавдия) безупречна».

⁸¹ Сведения об этом находятся также у Валерия Максима (I. 7) и Юлия Обсеквента (XXII. 6).

⁸² «Существует молитва, которую, защищаясь от обвинения в инцесте, произнесла весталка Тукция и принесла воду в решете, в год от основания города 519».

⁸³ Т. Кевес-Цулауф заметил, что *incesti deprecatio* является конъектурой Gelenius 1554 г., в то время, как в рукописях стоит *incesti precatio* – *Beschwoerung: Käves-Zulauf Th. Reden und Schweigen. Römische Religion bei Plinius Maior. München, 1972. S. 64.*

⁸⁴ «Она, простирая руки то к Весте, то к другим богам, произносила множество упреков, но чаще всего этот: "Церась считает нечистой меня, совершавшую священные обряды и принесшую ему победу и триумф!"».

призыв к Весте и другим богам и указание на доказательства чистоты жрицы тем самым вписываются в данную модель нарушения иерархии.

Следует сказать, что сама богиня в подобных ордалиях никак себя вербально не проявляла. Однако известна легенда, согласно которой Веста лично вмешалась, права, не в судьбу весталок, но в судьбу дев. Плутарх передает версию появления на свет Ромула и Рема, изложенную Проматионом: в очаге дома царя альбанов Тархетия появился фаллос; из Этрурии Тархетий получил прорицание, гласившее, чтобы он сочетал с видением девушку, потому что она должна родить сына, который будет отличаться доблестью и стяжает громкую славу. Тархетий повелел сделать это своей дочери, та же, гнушаясь, послала вместо себя служанку. Царь, разгневавшись, осудил было обеих девушек на смерть, но тут появилась Веста и запретила казнь (Romul. II). В этой легенде Веста отдает приказания царю, который имеет над данными девами ту же власть, что и верховный понтифик над весталками и является аналогом последнего. Нам неизвестны легенды о Весте, отдающей приказания верховному понтифику, но он действительно считался особенно близким культу Весты; это нашло свое отражение в том, что, когда при Аврелиане был учрежден культ Солнца и верховным жрецом стал *pontifex solis*, то прежние *pontifices*, подчиненные первому, для различения стали именоваться *pontifices Vestae*⁸⁵. В «Фастах» Овидия Веста приказывает рассказать о гибели верховного понтифика Цезаря и называет его своим жрецом (*Meus fuit ille sacerdos*⁸⁶ – *Fast.* III. 697–703).

Возможность нарушения весталкой иерархии, в сочетании с тем, что жрица находилась на особом положении по отношению к святыням, обеспечивавшим существование Рима, стала основой литературной модели весталка – дурной правитель / верховный понтифик, когда весталка противоречит правителю / верховному понтифику. Эта модель начата сюжетом: Нерон – весталка Рубрия, подвергнутая им насилию (*Suet. Nero.* 28. 1) – волнение, испытанное Нероном в храме Весты (*Tac. Ann.* XV. 36), и продолжена темами: Домициан и невинно обвиненная Корнелия Гелиогабал и его брак с весталкой Юлией Аквиллой Северой (*SHA.* 17. VI. 5; *Herodian.* V. 6). Например, для спасения святынь весталка могла даже солгать самому верховному понтифику: когда Гелиогабал ворвался в репос Весты в поисках священных предметов, то старшая весталка умышленно неверно указала на пустой глиняный сосуд (*SHA.* 17. VI). Другой пример весталки, возражающей лицу, обладающему верховной властью (в данном случае жене правителя), находим у Зосима (*V.* 38), который сообщает, что жена Стилихона Серена, после того как Феодосий отменил языческие священнодействия и содержание языческих жрецов, вошла в храм Великой Матери и, сняв со статуи Реи дорогое ожерелье, надела его на себя. Старейшая из оставшихся весталок, оказавшаяся рядом, предрекла, что и Серена и ее муж, и дети оплатят за нечестие. После этого Серена часто видела во сне предзнаменование скорой смерти, и она была задушена, подставив шею палачу так же, как когда-то она повесила на нее украшение богини. Зосим добавляет, что Стилихон также не избежал справедливости (*Δίκη*) за совершенное нечестие (он ободрал обитые золотом ворота на Капитолии).

Таким образом, молчание весталки рядом с верховным понтификом имеет по крайней мере два значения. Во-первых, оно отражает жреческую иерархию и подчиненное положение женщины в римской религии и, соответственно, правильный социальный порядок. Во-вторых, молчащая весталка, находящаяся вне времени, в ином мире, представляет собой богиню Весту, непрерывность связи с богами (символом которой служил постоянно поддерживавшийся огонь в храме Весты на римском Форуме) и их невмешательство в жизнь римлян; при этом присутствие понтифика обязательно для того, чтобы осуществлять контроль за эпифанией Весты. Эти два значения вряд ли можно четко разделить в каждом отдельном случае. Например,

⁸⁵ *Wissowa.* *Op. cit.* S. 161, со ссылок на *Habel P.* *De pontificum Romanorum inde ab Augusto usque ad Aurelianum condicione publica.* Vratislaviae, 1888. P. 99.

⁸⁶ «Он был моим жрецом».

невозможность слышать весталку во время ее погребальной процессии, с одной стороны, выражает подчинение верховному жрецу-мужчине и народу, а с другой – дает понять, что Веста не осуществляет свои иерархические полномочия по отношению к понтифику и, следовательно, является благосклонной к нему и всему римскому народу, возможно, что она принимает казнь весталки и тем самым отводит от города угрозу.

Молчание весталки особенно необходимо в свете того, что Веста, как можно заметить, высказывается прямо или косвенно только когда город находится в опасности (в легенде о Тархетии речь идет о рождении основателей города). Весталка, действующая и говорящая самостоятельно, могла восприниматься римлянами не только как нарушительница иерархии и, соответственно, социальной стабильности, но и как продигий – знак того, что Рим находится в опасности. И роль верховного понтифика как посредника между весталками и народом заключалась в том, что он следил, чтобы особый сакральный статус жриц Весты не нарушал «нормального» функционирования общественной жизни и социальных институтов.

Таким образом, представляется возможным уточнить смысл определения *virgo tacita* в общем контексте оды Горация. Оно полисеманлично и означает стабильность жреческой иерархии, отражающей стабильность социальной иерархии и благосклонность богов, а следовательно, и незыблемость Рима.

VIRGO TACITA

O.P. Smirnova

The author analyses the definition given to a vestal by Horace in the Ode III, 30 (*virgo tacita*) in two aspects: in respect to the position of woman in Roman religion and in respect to how the Romans imagined their gods. To the author's opinion, the given definition mirrors the reality of worship (vestal is silent near the *pontifex maximus*) and concerns, firstly, the subordinate position of women in the Roman religion which had no right to make a sacrifice and did not go beyond playing marginal parts. The vestals, in spite of their special status, were covered by the common rule in this case: the priestesses felt under restriction of speech emphasized in the Roman religion. Secondly, the vestal, being in some respects a living embodiment of her goddess, could point out her favorable presence. Thus, with this definition symbolizing stability of the priestly and social hierarchy and benevolence of gods, Horace emphasizes the firmness of Rome and eternity of his glory.